

Азгануш МИГРАНЯН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Аннотация

В статье исследованы основные параметры социально-экономической ситуации в странах Южного Кавказа, влияние коронакризиса на экономическую ситуацию в этих странах, проведено исследование и дана оценка эффективности экономической политики в период локдауна из-за пандемии COVID-19 и перспектив экономического развития. Проведён сравнительный анализ экономической ситуации в Азербайджане, Армении и Грузии по основным макроэкономическим показателям.

Экономическая ситуация в странах Южного Кавказа отличается высокой степенью волатильности, цикличностью и зависимостью от внешних факторов, несмотря на

различия национальных экономических моделей, ресурсного потенциала и характера внешнеэкономических связей. При этом в период кризиса, вызванного пандемией

МИГРАНЯН Азгануш Ашотовна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. **SPIN-код:** 9433-7609. **Адрес:** Российская Федерация, 119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3. **E-mail:** n.mihiranyan@yandex.ru

Ключевые слова: макроэкономические показатели, влияние коронакризиса, инфляция, уровень жизни, Южный Кавказ, экономическая модель.

COVID-19, все страны продемонстрировали примерно одинаковый уровень спада экономических показателей. Ситуация в регионе усугубилась под влиянием военного кон-

фликта между Азербайджаном и Арменией, а также политической дестабилизации в Армении и Грузии.

Азербайджан

Экономика Азербайджана характеризуется развитым потенциалом факторов производства и диверсифицированной промышленной базой, обладает богатыми природными ресурсами (нефти [15]¹ и газа [13]², руд и неметаллических полез-

ных ископаемых), благоприятным климатом для развития сельскохозяйственного производства, развитой инфраструктурой и относительно квалифицированной и дешёвой рабочей силой.

Макроэкономическая ситуация

Совокупный объём произведённого в Азербайджане продукта, по оперативным данным за 2020 г., обеспечивает его экономике 89-е место в рейтинге стран по объёму ВВП (41,67 млрд долл.³), в 2019 г. – 71-е

место. Расширение добычи нефти повлекло быстрое включение Азербайджана в формирующуюся систему альтернативных российским трубопроводам и маршрутам экспорта энергетических ресурсов⁴,

¹ Занимает 19-е место (2019 г.) в мире по доказанным объёмам нефти – 7 млрд барр. (1 млрд т), или 0,45% от всех мировых запасов, по данным ОПЕК (источник: ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020 // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm). Те же данные указывает актуальная статистика БР, уточняя долю в мировых запасах до 0,4 % (источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>).

² По данным ОПЕК, объём доказанных месторождений газа составляет 1718 млрд куб. м и занимает 21-е место в мире с долей 0,83 % (источник: ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020 // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm). Данные БР отличаются, общий объём доказанных месторождений природного газа составляет 2800 млрд куб. м, или 1,4 % от мировых запасов (источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>).

Данные правительства существенно отличаются, указывается цифра от 1,5 до 7 трлн куб. м газа, включая сопутствующий газ при добыче нефти (так называемые «газовые шапки»).

³ Данные ВБ (URL: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%D0%92%D0%92%D0%9F?baseRegion=AZ>).

⁴ Действующий маршрут Баку – Новороссийск потерял свою определяющую роль фактора российского влияния с 1999 г. и фактически перестал использоваться в целях экспорта, когда был введён в эксплуатацию нефтепровод Баку – Сумга, а в 2006

что обусловило возможность проведения независимой от РФ политики не только на энергетических рынках, но и по всем вопросам экономической и внешней политики [16]. В условиях кризиса на мировых рынках и низкой цены на энергоресурсы экономика республики теряет свой потенциал экономического роста, т. к. доля добычи и экспорта сырой нефти и газа непрерывно растёт с 20 % в начале 1990-х гг. до 47,9 % в 2018 г. с пиковыми значениями до 64 % в 2006–2008 гг. и последующим снижением до 40 % [4].

Доля государственных доходов нефтегазового сектора сохраняется на высоком уровне от 42 % в 2011 г. до 63 % в 2017 г. от величины доходов государственного бюджета и стабильно более 90 % от величины расходов бюджета с учётом его профицита до 5–6 % от уровня ВВП в периоды пиковых цен на нефть и газ [5]. Экстенсивная модель роста за счёт инвестиционных вливаний в энергосектор обуславливает высокий уровень государственного долга (от 14 % минимум от уровня ВВП в 2014 г. до 54 % максимум в 2017 г.), близкий к уровню технического дефолта. В 2019 г. бюджетный дефицит составил 0,3 % от ВВП, а уровень расходов государства вырос до 30 % от ВВП [5]. По итогам 2019 г. макроэкономические показатели

демонстрировали устойчивый спад пропорционально темпам снижения спроса на энергоресурсы и ценовым колебаниям, что обнажает уязвимость экономики, несмотря на широкую ресурсную базу.

В 2020 г. негативные тренды усилились под влиянием двух факторов: карантина в период пандемии и военного конфликта с Нагорным Карабахом.

Прогноз Всемирного банка предрекал падение ВВП Азербайджана из-за пандемии коронавируса на 0,2 % с последующим быстрым восстановлением. По данным национальной статистики, за 11 месяцев 2020 г. фактические потери составили 4,3 % [5] по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (в т. ч. за счёт сокращения нефтегазового сектора – 2,9 %, доля которого выросла до 70 % от произведённого продукта), уровень ВВП на душу населения упал на 5 %. По итогам 2020 г. ВВП республики сократился на 13,3 % по сравнению с 2019 г. Наибольший спад наблюдался в нефтегазовом секторе экономики: инвестиции в основной капитал сектора сократились на 4 %, на развитие газовых месторождений – на 18,8 %; грузовые перевозки снизились на 19,6 %, пассажирские – на 40,5 %, торговля – на 1,4 %, услуги – на 26,8 %. Стабилизации эко-

г. заработали нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и Южно-Кавказский газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум, ставшие основными маршрутами доставки энергоресурсов в Турцию и страны ЕС. Именно на развитие трубопроводной инфраструктуры делается ставка в дальнейшем продвижении энергоресурсов в страны ЕС, что удачно коррелирует с целями США по выдавливанию российских поставок с европейского рынка. В 2019 г. было завершено строительство TANAP (Трансанатолийского трубопровода), который связывает БТЭ с рынками Болгарии и Греции, в перспективе – запуск Трансадриатического (ТАР) и Транскаспийского газопроводов.

номической ситуации способствовал рост несырьевого промышленного сектора на 11,4 %, сельского хозяйства – на 2 %, системы связи, коммуникационных услуг информации – на 1,6 %. Также стимулирование экономики произошло за счёт роста государственных расходов на 10 % (включая помощь населению и экономике и рост военных расходов – более 2/3 от данного прироста, около 8 млрд долл.). Это отразилось на уровне доходов населения, которые снизились за исследуемые 11 месяцев 2020 г. на 1,3 % (совокупный валовой – на 29,5 млрд долл., ВВП на душу населения – на 3815 долл., или на 5 %, при росте среднемесячной заработной платы на 14,7 %, до 414 долл., и индекса потребительских цен на 2,8 %, при этом реальные доходы снизились на 5 %). Ухудшению социально-экономической ситуации способствовал существенный рост безработицы за этот период – на 114 тыс. чел., или на 45,2 % от уровня 2019 г. [5]. Однако ежемесячный обзор индекса потребительских цен по основным товарным группам первой необходимости показывает 6,3–6,5 % прироста, по данным международной статистики⁵, что в большей степени коррелирует с резким сокращением сбережений населения (банковские депозиты снизились на 28,3 %) [5].

Азербайджанское правительство предприняло комплекс мер по противодействию распространению коронавируса и поддержке населения и бизнеса. В экономической сфере

были предложены меры поддержки населения (были выплачены пособия в размере 190 долл. нуждающимся, охват 800 тыс. чел.) и бизнеса (перечень налоговых льгот суммарно в размере 67 млн долл.). Была оказана помощь наиболее пострадавшим отраслям (туризм, ресторанный бизнес, малые и средние предприятия в сфере услуг), предоставлена помощь и доступные кредитные средства для погашения заработной платы закрытым на карантин субъектам в размере чуть более 4 млн долл. Тем не менее, по оценкам экспертов, оказанная помощь была недостаточной как с точки зрения потребностей общества и экономики, так и с точки зрения имеющихся ресурсов. Косвенным подтверждением недостаточности экономической помощи является тот факт, что основной источник финансирования государственных расходов, Государственный нефтяной фонд Азербайджана (ГНФАР), практически сохранил докризисный уровень средств при условии сокращения экспортной выручки от продажи энергоресурсов: объём средств снизился на 0,08 %, или на 86,6 млн долл. При этом ЦБ республики был вынужден наращивать валютные резервы с целью поддержки валютного курса маната до 150 млн долл.⁶, т. к. падение валютного курса поставило правительство республики перед необходимостью девальвации национальной валюты. Данная мера была бы чревата взрывом социального недовольства, поэтому вливания на поддержку валютного курса осу-

⁵ База данных статистики Всемирного Банка.

⁶ Реальный курс маната вырос в нефтяном секторе на 6,6 % (покупательная способность).

ществлялись за счёт наращивания государственного долга. Фактор социальной напряжённости в период пандемии можно отнести к одному из триггеров начала военных действий, которые позволили прави-

тельству республики косвенно оправдать экономию ресурсов для помощи (военный бюджет карабахского конфликта, по разным оценкам, обошёлся бюджету республики в 2,7–3 млрд долл.).

Торгово-экономические отношения

Показатели внешней торговли Азербайджана, как, впрочем, и всего мира, ухудшились в связи с карантинными ограничениями и падением спроса. В 2020 г. торговый оборот снизился на 27,5 % в текущих ценах и на 21,7 % в постоянных ценах, составив 19 894 млн долл., в том числе экспорт – на 30,4 % (20,4 %), импорт – на 33,4 % (37,6 %), до 8767 млн долл. соответственно, падение несырьевого экспорта – около 10 % при среднегодовых темпах прироста от 6–10 %, включая итоги 2019 г. В то-

варной структуре экспорта доминирует группа энергетических ресурсов (нефть, газ) – устойчиво 90–95 % от общего экспорта, география экспорта по странам также отличается устойчивостью: Италия – 25–26 %, Турция – до 15 %, Израиль – 6–8 %, Россия – 3–4 % (6–7-е место в экспорте). При этом стоит отметить, что российский рынок для Азербайджана является одним из наиболее перспективных с точки зрения реализации своего ненефтяного экспортного потенциала [7].

Прогноз развития

Прогнозы восстановления экономики Азербайджана после кризиса 2020 г. довольно оптимистичны – 2–2,5 % уже в 2021–2022 гг. при условии восстановления спроса на внешних энергетических рынках.

Риски экономического развития остаются именно в энергетическом секторе республики при невысоких ценах на сырьё и растущих затратах на извлечение тяжёлой нефти и разработок морских шельфов Каспия.

Армения

В Армении по итогам 2020 г. складывается критическая ситуация, экономический спад и кризис государственности были обусловлены двумя факторами: негативным влиянием

коронакризиса и поражением в нагорнокарабахском конфликте. Несмотря на то что республика де-юре не признала независимость НКО (армянское название Арцаха), де-факто

экономическая система данного региона была полностью интегрирована с национальной экономикой, потеря которой чревата для республики растущими рисками продовольствен-

ной безопасности, кратным увеличением нагрузки на государственный бюджет и падением уровня жизни, без учёта морально-психологических и геополитических аспектов.

Макроэкономическая ситуация

2020 г. экономика Армении встречала наилучшими показателями роста: темп роста ВВП составил 7,6 % (13 639 млн долл.) – преимущественно за счёт роста промышленного производства (9 %), транспорта грузового (8,9 %) и пассажирского (8,1 %), розничной торговли (7,9 %). Экономический рост был обусловлен благоприятной внешней конъюнктурой и не оказал существенного влияния на качество развития экономики [12].

Накопленные системные риски экономики республики под влиянием карантинных ограничений в период пандемии коронавируса обусловили кризисный спад экономики в 2020 г. на рекордные 7,5 % от уровня ВВП предшествующего периода при прогнозе –6,4 % весной 2020 г. Проблема в том, что, в отличие от других стран СНГ, выход из кризиса после снятия карантина не наблюдался, цепной индекс темпов роста (падения) ВВП всё глубже уходит в минус – от –7,6 % в июле до –10,3 % в ноябре. Понижительный тренд осени 2020 г. обусловлен спадом в следующих отраслях: строительстве – на 11,2 %, торговле – на 13,5 % (в ноябре торговый оборот сократился на 22 %), сфере услуг – на 13,6 %, экспорте – на 5,2 %, им-

порте – на 15,9 %, экономическая активность населения и хозяйствующих субъектов сократилась на 7,2 % (все данные – за 11 месяцев 2020 г.) [9].

Несмотря на двукратное сокращение доли агропромышленного комплекса в экономике – с 30 % в 1992 г. до 15 % в 2019 г., – для Армении критичным является сокращение валового продукта АПК, так как именно эта отрасль обеспечивает ей конкурентоспособный экспорт, не зависящий от волатильности мирового рынка, и продовольственную безопасность. В целом армянская экономика растеряла свой промышленный потенциал, уменьшив долю промышленного сектора на 16 %, и перешла в число сервисных экономик, формирующих свой потенциал на основе развития туризма (16 %), финансового сектора (3 %) и торговли (8 %). Опыт 2020 г. показал уязвимость данной модели [8].

Дополнительные потери, связанные с военным конфликтом в 2020 г., не столь ощутимы (совокупные потери – до 1 % ВВП), но станут тяжёлым бременем в 2021 г. и в перспективе на 10 лет. Поражение в конфликте и потеря значительных территорий Арцаха (Нагорно-Кара-

бахской Республики) потребует увеличения расходов на поддержание армии, участников военных действий и создание новой пограничной инфраструктуры по растянутой границе с Азербайджаном. Прямые экономические потери Армении пока невозможно оценить в полном объеме, так как нет открытой информации об объемах армянского капитала в экономике непризнанной республики, равно как и оценочной стоимости реэкспорта её продукции через Армению и потребления в республике.

Учитывая высокую степень интеграции экономики НКО и Армении, особенно в реэкспорте сельскохозяйственной продукции, территориальные потери можно расценивать как экономические потери республики. Потери территорий и экономических активов на них пока не оценены (на официальном уровне такой оценки не будет), но косвенно по оценочным параметрам они составляют: около 70 тыс. га посевных площадей (из них 50 тыс. га – под злаки), 5 тыс. га многолетних садов, 14 шахт разрабатываемых месторождений, потерю всей горнорудной промышленности, формирующей 50 % промышленного сектора непризнанной республики. Данные потери и затраты на восстановление экономики региона будут зависеть от политического решения армянских властей по отношению к данной территории

(полный отказ от неё и/или решение вопросов контрибуций, которые, безусловно, последуют от противной стороны).

К прямым потерям армянской экономики можно отнести спорный рудник Сотк, обеспечивающий 1–1,5 % ВВП с учётом добычи, переработки руды и мультипликативного эффекта загрузки смежных отраслей (железнодорожные перевозки, родственные и обслуживающие отрасли).

Независимо от политического решения армянской стороны её экономический потенциал существенно потеряет в экспорте, упадёт покупательная способность населения (в том числе и из-за падения курса драма – национальной валюты⁷), что существенно ухудшит финансовое положение (рост отрицательного платёжного сальдо, сальдо счёта текущих операций и сальдо торгового баланса) и уровень жизни населения. Таким образом, сократившаяся база промышленного экспорта при туманных перспективах восстановления туристических потоков, а также снижение поступлений от трудовых мигрантов (в силу падения деловой активности в мировой экономике в целом) приведут к кратному сокращению экспортной выручки (валютных поступлений, торговый дефицит 2020 г. – 30 % от ВВП), что, в свою очередь, обеспечит рост стоимости доллара, инфляции и падение уровня жизни населения [10].

⁷ К концу 2020 г. национальная валюта обесценилась на 1,5 %, были предприняты масштабные усилия для поддержания её курса, однако за 15 дней нового 2021 г. при отсутствии интервенций она упала на 8,7 %.

Торгово-экономические отношения

С 2016 г. рост внешнеторгового оборота шёл ускоренными темпами, достигнув в 2017 г. 25 % прироста, в 2019 г. – 10,8 %. За 2020 г. объём внешней торговли сократился на 41,7 % по сравнению с предшествующим периодом, в том

числе со странами вне ЕАЭС – на 15,4 и 11,8 %, взаимная торговля с партнёрами по Союзу (в том числе с Россией – на 12,8 %, при условии что на её долю приходится 96 % взаимной торговли по ЕАЭС) [14].

Прогноз развития экономики

Ухудшение ситуации будет иметь два варианта развития: девальвация драма с последующим разгоном экспорта при сохранении его потенциала и традиционной структуры экономики и/или поддержание покупательной способности населения посредством интервенций (сдерживания курса драма) и наращивания социальных дотаций для поддержания социально незащищённых слоёв населения при активном стимулировании национальных производителей и проведении политики импортозамещения [2]. Оба варианта развития армянской экономики чреваты большими рисками:

В первом случае девальвация позволит стимулировать экспорт и сдерживать инфляцию (в номинальном выражении). Но при высоком уровне дефицита бюджета (в 2020 г. вырос в 4 раза по сравнению с 2019 г. и составил 274 млрд драмов, в перспективе может вырасти до 5 % от ВВП), вероятнее всего, будет обнулена социальная политика. Это позволяет прогнозировать с высокой вероятностью снижение уровня жизни и рост миграционного оттока.

Второй вариант сложно реализуем из-за высокого уровня внешнего долга Армении (60,7 % от ВВП на 2020 г.), ограниченности международных (валютных) резервов до 3 млрд долл., роста инфляции (индекс потребительских цен – 0,9 %, высокий темп роста тарифов в сфере ЖКХ – до 10 %). Дополнительные внешние финансовые вливания поставят страну в прямую зависимость от кредиторов (в данном случае – МВФ) с перспективой полного повторения грузинского или украинского сценария – перехода в статус обслуживающей подсистемы.

Выход из ситуации армянские власти в обоих сценариях видят в расширении налогооблагаемой базы, что усугубит положение, стимулируя уход в теневой сектор неспособного хозяйствующего сегмента (теневой сектор оценивается в 30 % от ВВП). Также власти надеются увеличить поступления налоговых доходов в бюджет в связи с завершением льготного периода членства в ЕАЭС и переходом к выплате всех налогов [14].

Грузия

Макроэкономическая ситуация

Страна с малой динамично развивающейся экономикой со среднегодовыми темпами роста 5–6 % без учёта циклических спадов в период кризисов. По уровню ВВП занимает 109-е место с объёмом 17,74 млрд долл. в текущих ценах и темпом роста 5,1 % в 2019 г. [18]. За период суверенного функционирования произошло радикальное изменение отраслевой структуры экономики: от аграрно-индустриальной страны Грузия перешла в ряд, где доминируют сервисные экономики [1] – в 1992 г. на долю сельского хозяйства приходилось 55 % валового производства, 22 % – на промышленный сектор (15 % – промышленное производство и 7 % – строительство), сервисные услуги – 23 %, в 2019 г. 8 % – сельское хозяйство, 10 % – промышленный сектор, 8 % – строительство и 69 % – сервисные услуги, из них 42 % – туризм и рекреационное обслуживание, малый бизнес (рестораны, платные услуги, обслуживающие туризм и население) – 19 %, транспорт (включая трубопроводный транзит и перевозки) – 9 % [11].

Экономическая модель страны формируется за счёт экстенсивного роста потребительского спроса населения и туризма, что в условиях пандемии поставило страну на грань продовольственного коллапса и обусловило высокий уровень экономического спада в 2020 г. [3].

Снижение ВВП за 2020 г. составило 11,3 %, или 15,73 млрд

долл. (в ноябре – спад на 7,7 %), при прогнозе 12 месяцев, по оперативным данным, – на 8,4 %, до 16,04 млрд долл. Стабилизирующим фактором в экономике является рост кредитов населения и хозяйствующих субъектов (3 млрд долл., или до 5 % роста). При полной остановке туристических потоков рост внутренней торговли происходит за счёт удорожания продукции (индекс цен производителей вырос на 10 %, индекс потребительских цен – на 5,3 %). Поддержание экономики (включая расходы по компенсации потерь хозяйствующих субъектов в период коронавируса) осуществляется за счёт внешних заимствований преимущественно у международных кредитных структур (общей суммой 5,5 млрд долл., последний транш МВФ составил 113 млн долл. на покрытие дефицита счёта текущих операций), что повлекло увеличение внешнего долга страны до 19,7 млрд долл., включая корпоративные долги. Долговое бремя республики составляет 120,4 % от ВВП и ставит её в абсолютно зависимое положение от кредиторов, уровень государственного долга составляет 54 % от ВВП, или 8,9 млрд долл. Баланс счёта текущих операций остаётся отрицательным и составляет 1,8 млрд долл., или 10,8 % от ВВП, что на фоне 30%-ного сокращения инвестиций в экономику ставит

Грузию на грань банкротства. По оценкам Всемирного банка, экономика республики потеряет около 2,1 млрд за 2020–2021 гг. [18].

По итогам 2020 г. уровень безработицы вырос до 11,8 %, уровень бедности – до 4,5 % (при потреблении 1,9 долл. в сутки, в рейтинге стран по уровню бедности – между Гондурасом и Боливией) [11].

В сложившейся ситуации власти вынуждены объявить второй тур помощи населению по оказанию социальной поддержки в размере до 200 лари (около 4400 руб.) в месяц, многодетным семьям и инвалидам – по 100 лари (около 2200 руб.) в месяц. Первый транш помощи населению весной 2020 г. охватил 350 тыс. чел., совокупная величина составила 160 млн долл.

Совокупный объем системы мер по поддержке экономики в период кризиса составил 3,5 млрд лари (чуть больше 1 млрд долл.), антикризисные меры по большей части включали кредитные вливания на создание производств по программе «Произвести в Грузии», но ощутимого успеха не дали. Ещё одним видом помощи было субсидирование налогов при содержании рабочих мест по оплате труда.

Меры экономической помощи не дали ощутимых результатов, т. к. в республике фактически сохраняется полная зависимость от импорта продовольствия, энергоресурсов и продукции массового спроса, в условиях прекращения туристической активности отрицательное сальдо торгового и платёжного баланса растёт.

Торгово-экономические отношения

Экспорт товаров и услуг в 2019 г. составил 9,5 млрд долл. (по 50 % товаров и услуг), импорт – 11,1 млрд (81 % товаров и 19 % услуг). В 2020 г. (11 месяцев) внешнеторговый оборот сократился на 14,6 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, экспорт – на 11,3 %, а импорт – на 15,9 %, отрицательный торговый баланс – на уровне 40,9 % от объема торгового оборота (4,16 млрд долл.) [11]. Несмотря на отсутствие дружеских отношений, торговые отношения между Россией и Грузией сохраняют свою значимость для Грузии, т. к. доля российского импорта составляет около 20 % от всего объема импорта, что

обеспечивает России второе место среди основных поставщиков, первое место среди стран по объёму грузинского экспорта (18 %) [6].

Таким образом, оценка базовых параметров экономик стран региона Южного Кавказа позволяет констатировать:

– Страны региона характеризуются различными экономическими системами: Азербайджан – экспортно ориентированная сырьевая экономика; Армения – диверсифицированная экономика с преимущественным развитием сектора услуг и сервисных отраслей, с ограничениями экспорта из-за отсутствия транспортных коммуникаций; Грузия – замкнутая эко-

номика, основанная на сервисных отраслях, туризме и транзитном потенциале энергоресурсов.

– Несмотря на указанные различия, степень влияния внешних факторов сохраняется на высоком уровне: у Азербайджана – зависимость от спроса и волатильности цен на мировых рынках энергоресурсов; у Армении – зависимость от состояния рынков основных торгово-экономических партнёров по ЕАЭС, доходов, получаемых от мигрантов, и внутреннего спроса; у Грузии – зависимость от спроса на туристические услуги, спроса на энергоресурсы

(объёмов их транзита) и спроса на реимпорт в соседние государства.

– Ориентированность на внешние рынки, накопленные системные проблемы национальных экономик и ограниченность внутреннего экономического потенциала обусловили глубину спада экономических параметров в период пандемии.

– Восстановление экономики во всех странах зависит от ситуации на внешних рынках, восстановления спроса на базовые экспортные ресурсы стран при инерционном сценарии развития, ускоренное развитие требует решения внутренних проблем.

Список литературы

1. Андропова И. В., Катамадзе А. Трансформация экономической политики Грузии // Вестник РУДН. Сер. «Экономика». 2018. Т. 26. № 2. С. 212–223. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-2-212-223.
2. ВБ повысил прогноз роста экономики РА на 2021 г., но снизил на 2022-й // URL: <https://www.golosarmenii.am/article/113635/vb-povyсил-prognoz-rosta-ekonomiki-ra-na-2021g---no-snil-na-2022-j> (дата обращения: 12.08.2021).
3. Грузия: особенности экономического роста. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2019. № 46.
4. Данные ВБ // URL: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%D0%92%D0%92%D0%9F?baseRegion=AZ> (дата обращения: 12.08.2021).
5. Данные официальной статистики Государственного статистического комитета Азербайджанской Республики // URL: <https://www.stat.gov.az/> (дата обращения: 10.08.2021).
6. Дёгтев А. С., Маргоев А. Р., Токарев А. А. Экономика Грузии в пространстве противоречий региональных держав // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 219–233 // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-219-233> (дата обращения: 12.08.2021).
7. Исмаилова Л. Г. К вопросу российско-азербайджанских торгово-экономических отношений // Наука, техника и образование. 2020. № 4 (68). С. 79–83.

8. Маркаров А. А., Давтян В. С. Социально-экономическая ситуация в Армении в период пандемии COVID-19: влияние карантинных мер на энергетический сектор // Геоэкономика энергетики. 2020. № 4 (12). С. 59–76.
9. Министерство экономики Республики Армения // URL: <https://www.mineconomy.am/ru> (дата обращения: 12.10.2020).
10. Мкртчян Т. На пути преодоления «большого локдауна»: восстановление или новый спад? // Вестник Армянского государственного экономического университета. 2020. № 4. С. 42–61.
11. Национальная служба статистики Грузии // URL: <https://www.geostat.ge/en> (дата обращения: 12.08.2021).
12. Основные предварительные макроэкономические показатели, полученные по текущим оперативным сводкам, характеризующие социально-экономическое положение РА // URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99520603.pdf> (дата обращения: 15.10.2020).
13. Statistical Review of World Energy 2020 // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).
14. Статистическая база данных Евразийской экономической комиссии // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 12.08.2021).
15. ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020 // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm. (дата обращения: 12.08.2021).
16. Статистический комитет Республики Армения // URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99525133.xls> (дата обращения: 12.08.2021).
17. Эйюбов М. Р. Макроэкономическая модель безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана в долгосрочном периоде // Управление. 2019. № 2. С. 71–86.
18. Central Asia Economic Update, Spring 2021 // URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update> (дата обращения: 12.08.2021).

MIGRANYAN Azganush A. – Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. **Address:** Russian Federation, 119180, Moscow, B. Polyanka str., 7/10, p. 3. **E-mail:** n.mihranyan@yandex.ru

Keywords: macroeconomic indicators, coronary crisis impact, inflation, living standards, South Caucasus, economic model.

SOCIOECONOMIC SITUATION IN THE SOUTH CAUCASUS COUNTRIES DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Abstract

The article studies the main parameters of the socio-economic situation in the countries of South Caucasus, the impact of the coronary crisis on the economic situation in these countries, the study and evaluation of the effectiveness of economic policy during the lockdown period of the COVID-19 pandemic and the prospects for economic development. The comparative analysis of the economic situation in Azerbaijan, Armenia and Georgia according to the main macroeconomic indicators was carried out.

References

1. Andronova I. V., Katamadze A. Transformation of the economic policy of Georgia // Vestnik RUDN. Series: Economics. 2018. Vol. 26. No. 2. Pp. 212–223. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-2-212-223.
2. The World Bank raised the forecast of economic growth of the Republic of Armenia for 2021, but lowered it for 2022 // URL: <https://www.golosarmenii.am/article/113635/vb-povysil-prognoz-rosta-ekonomiki-ra-na-2021g---no-snizil-na-2022-j> (accessed: 12.08.2021).
3. Georgia: features of economic growth. Bulletin on the current trends of the world economy // Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 2019. No. 46.
4. WB data // URL: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%D0%92%D0%92%D0%9F?baseRegion=AZ> (accessed: 12.08.2021).
5. Official statistics data of the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan // URL: <https://www.stat.gov.az/> (accessed: 10.08.2021).
6. Degtev A. S., Margoev A. R., Tokarev A. A. The economy of Georgia in the space of contradictions of regional powers // Bulletin of MGIMO-University. 2016. No. 2 (47). Pp. 219–233 // URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-219-233> (accessed: 12.08.2021).
7. Ismailova L. G. On the issue of Russian-Azerbaijani trade and economic relations // Science, technology and education. 2020. No. 4 (68). Pp. 79–83.
8. Markarov A. A., Davtyan V. S. Socio-economic situation in Armenia during the COVID-19 pandemic: the impact of quarantine measures on the energy sector // URL: [Goeconomics of Energy](https://www.goeconomics.ru/energy/2020/4/12/59-76). 2020. No. 4 (12). Pp. 59–76.

-
9. Ministry of Economy of the Republic of Armenia // URL: <https://www.mineconomy.am/ru> (accessed: 12.10.2020).
 10. Mkrtchyan T. On the way to overcoming the “big lockdown”: recovery or a new recession? // Bulletin of the Armenian State University of Economics. 2020. No. 4. Pp. 42–61.
 11. National Statistics Service of Georgia // URL: <https://www.geostat.ge/en> (accessed: 12.08.2021).
 12. The main preliminary macroeconomic indicators obtained from the current operational reports characterizing the socio-economic situation of the Republic of Armenia // URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99520603.pdf> (accessed: 15.10.2020).
 13. Statistical Review of World Energy 2020 // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 12.08.2021).
 14. Statistical database of the Eurasian Economic Commission // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/ (accessed: 12.08.2021).
 15. OPEC Annual statistical Bulletin, 2020 // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm. (accessed: 12.08.2021).
 16. Statistical Committee of the Republic of Armenia // URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99525133.xls> (accessed: 12.08.2021).
 17. Eyyubov M. R. Macroeconomic model for the safe functioning of the national economy of Azerbaijan in the period of long-term ones // Control. 2019. No. 2. Pp. 71–86.
 18. Updating the economy of Central Asia, spring 2021 // URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update> (accessed: 12.08.2021).